

09 03 2016 Выходной

Земля и небо Валентины Костебеловой

В город ее судьбы - Томск Валентина приехала из Курской области совсем еще девчонкой. Здесь она стала известным строителем, легендарной крановщицей, лауреатом Государственной премии СССР, здесь ее избрали депутатом Верховного Совета РСФСР, вручили за неутомимую творческую работу и организаторские способности ордена Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, знак ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи». Здесь она создала единственную в стране бригаду машинистов башенных кранов, что стало особой, трудной и счастливой страницей в ее трудовой биографии. На заслуженном отдыхе Валентина Павловна предстала в совершенно ином и для многих неожиданном качестве – успешного автора нескольких книг стихов и документальной повести «Через тернии и розы».

А еще с юных лет рабочий человек, крановщица Костебелова вела и ведет до сих пор свои удивительные дневники, заполнив не одну сотню толстых тетрадей раздумьями о жизни прошлой и нынешней, мыслями о профессии, о товарищах, об искусстве, о природе и ее обитателях. На всю жизнь сохранила она детски восторженное отношение к окружающему миру, красотам необъятных далей земли русской, что и вознесло ее так высоко – на башенный кран, ставший символом стройки, а профессия крановщицы навсегда осталась для нее поэтической, и сама она в ней – неизменно молодой.

ИЗ СОЛОВЬИНОГО КРАЯ В СИБИРЬ

Всем детям войны была отпущена своя доля лиха, а тем, кто оказался в европейской части Советского Союза на оккупированной врагом территории, испытаний и невзгод досталось во стократ больше. Уже 20 октября 1941 года в родное село Банищи, где жили шестилетние сестры-близняшки Валя и Саша Костебеловы, вошли немецкие моторизованные части. Более полутора лет продолжалась тяжкая неволя. Освобождение древней курской земли пришло с победой Красной Армии в августе 1943 года в крупнейшем танковом сражении Великой Отечественной войны под Прохоровкой.

«Меня не покидает чувство, - утверждает Валентина, - что я прожила не одну, а несколько жизней. Счастлирое предвоенное детство, война, время страшной немецкой оккупации, пожары, засухи, голод, сиротство, недетские труды с восьми лет, бесконечные лишения. Это пережили сотни тысяч моих земляков, односельчан, родичей, миллионы людей нашего поколения. Война оставила в памяти, в плоти и крови, в судьбе такой неизгладимый след, что я до сих пор испытываю непреодолимый страх перед ней. А когда вспоминаю, что выпало на долю наших отцов, матерей, старших братьев и сестер, что навалилось на их плечи, сжимается от скорби сердце, и текут непрошенные слезы. Ведь только за годы войны погибло одиннадцать Костебеловых, в том числе и Павел Андреевич, наш без вести пропавший отец...»

Вскоре после войны преждевременно скончалась мать Анна Николаевна, и осиротевших сестер взяли на воспитание родственники Прасковья Семеновна и Устин Тихонович Себякины из соседнего села Кудинцева. С 1952 года началась «взрослая жизнь». Сестры сначала поступили учиться на прядильщиц в ФЗО в Подмоскowie, а в 1954 году откликнулись на призыв ЦК комсомола к молодежи осваивать целинные земли Казахстана. Первой уехала Александра, следом Валентина. Работала в вагонном депо на станции Боровое. В 1957 году переехала в Томск. Устроилась на стройку отделочницей. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба, но предложили поехать в Новосибирск на курсы машинистов башенных кранов. Направление выпало именно ей, поскольку из всей бригады только она имела среднее образование. Там, на берегу Обского моря, где развернулась стройка ОбьГЭС, Валюша Костебелова впервые поднялась на кран. Захватывало дух от переполнявших ее чувств. В бездонном небе летели гонимые ветром рваные облака, отражаясь в волнах, дробилось весеннее солнце, кран поскрипывал и, как ей казалось, покачивался. Пока взбиралась по крутым ступенькам холодной лестницы от волнения и новизны впечатлений закружилась голова. Крепко держась за поручни, остановилась успокоить бешено колотившееся сердце. Поборов волнение, полезла выше, к заветной кабине...

Их готовили к будущей профессии всесторонне. После трех месяцев теоретических занятий началась обстоятельная практика. Для закрепления навыков и расширения кругозора курсанты поработали на шести видах кранов. Возвращаясь в Томск, Валентина твердо знала: непременно станет крановщицей высокого класса.

«КРАН БЕЗ ЗВОНКА, ЧТО ЧЕЛОВЕК БЕЗ ГОЛОСА»

Наверное, никто из строителей так часто, как крановщики, не бывает подолгу на высоте, ощущая огромность неба и земли, любясь далями с бескрайним размахом нежно-синего горизонта. Заветные тетради крановщицы Костебеловой лучше всего передают ее мироощущение.

«Люблю ветра, грозы, ливни – эти проявления мощи стихии. Люблю работать лунными ночами... Сегодня что-то не ладилось у звеньевого. Замешкавшись, он негромко повторял: «Сейчас, Валя, сейчас...». А я, откинувшись на спинку сиденья, глядела на ярко-золотистый тугой клубок луны, в таинственную темно-синюю синеву неба... Плывет за концом стрелы золотой шар луны, мерцают далекие звездочки, и у меня ощущение, будто я чародействую в этой волшебной ночи. Ребята трудятся, не разгибаясь, звеньевой, завершая что-то сделанное, приговаривает: «Вот так, вся деревня в елках...». И я улыбаюсь его забавной и трогательной присказке».

И это не простое любование красотами ночного неба над городом. Это взгляд активного участника стройки. Взгляд изнутри.

«Кажется, что говорить о сигнале на кране? Ясно, зачем он. Кран без звонка, что человек без голоса. Для меня же он особый, добрый помощник. Звонком веду деловые диалоги, прошу разрешения на посадку, спрашиваю, куда ехать, в чем дело, куда пошел? Строили драмтеатр. Стropаль у каменщиков – Геннадий Домащенко, пожилой человек, очень расторопный, понятливый. Работать с ним легко. Стоит дать короткий спокойный звоночек – он уже все понял, бежит к материалу. Случилась временная развязка, даю знак – иди, погрейся. Кивает, понял. А вот крановщик на соседнем кране ведет себя по-другому. Видит, стропаль занят, «орет» звонком, аж каменщики повыглядывали: что там такое? И Домащенко вспылит, руки раскинул: «Ну че тебе надо? Горишь, что ли?» Один наш крановщик ушел с крана, проработав десяток лет. «Надоело, - говорит, «вира» да «майна» без конца. Командует тобой каждый...». А я подумала: в придаток машины человек превратился, отдал инициативу в своем деле другим. Я никому инициативу не отдавала. Старалась во все вникать, все видеть, оптимально строить порядок и очередность движений, понимать по логике, по ходу дел, по взгляду, по выражениям лиц. Весь объект держу в зрительной памяти. Везу два поддона кирпича, хотя дядя Вася просил один. Знаю, кому нужен второй. Гриша Лидер, разогнувшись, посмотрел на свой поддон, выбранный с одной стороны. Ясно: ему стало трудно, далеко тянуться за кирпичом. Сейчас приеду, развернем. Знаю, скоро подойдет машина с раствором, а банок внизу нет. Прошу, у кого мало раствора, поторапливаться, освободить банки. По-моему, надо делом защищать свое профессиональное достоинство и человеческое тоже...»

СЕРДЦЕ ПОЛНИТСЯ ОТВАГОЙ

Работать чаще всего нелегко, а иногда очень тяжело, но преодоление трудностей приносит радость. К ночным сменам Валентина готовилась морально, как космонавт к очередному старту, собрав волю, выдержку, настроившись на четкий ритм без раскачки.

«Труд – это все. Труд и кормит, и учит, и лечит. Путь к профессиональному совершенствованию лежит через упорство и постоянную работу над собой. Через преодоление в себе бессмыслия, бескрылости, безволия. Чудо такого труда – в великом преображении души, всей жизни...»

Несколько раз она была на грани жизни и смерти. Работа на башенном кране опасна и требует предельной внимательности. Но случаются ситуации, которые не предусмотреть.

«Я уже завела шеститонное бетонное перекрытие над домом, - вспоминает она, - как звеньевой закричал: «Валентина Павловна, скорее назад, сейчас плита разломится!» Однажды я уже побывала на волосок от смерти, оставшись живой лишь по счастливой случайности. Падающий кран задержался в оконном проеме строящегося дома. После

таких аварий люди уходят с крана совсем. Я не ушла, но панически боялась аварий. К концу рабочего дня болели от напряжения руки, ломило зубы, потому что сжимала их, чтобы победить в себе постоянный страх. Тогда выстояла, победила... А сейчас - вмиг представила, что будет, если панель, сорвавшись со стропов, клином полетит вниз, ломая перекрытия с пятого этажа донизу. А там люди. Вывести стрелу, но останусь ли цела сама? Мгновенно повернула стрелу, уперлась в пол ногами, дернула груз на «майна». От удара задрожали стены, меня как щепку выбросило из сиденья, лопнувший в опорно-ходовой части кран с грохотом раскачивался и плясал на рельсах. Кран замер. И началась моя реакция. Странное дело: в момент наивысшей опасности я была абсолютно хладнокровна и расчетлива, миновала опасность – начала бить дрожь. Преодолеть страх – самое трудное».

«ДОРОГИ МНЕ, КАК ДЕТИ...»

Ее первая стройка – дом на углу улиц Герцена и Советской. Особый объект, квартиры с паркетными полами. Среди новоселов преподаватели ТГУ, других вузов, председатель горисполкома. Подавая стопки паркетной плитки, начинающая крановщица волновалась, как бы не разбить. Старалась быть предельно аккуратной. Рабочие подбадривали, периодически показывая большой палец. «Молодец, Валюша, будет толк!» Когда закладывали школу № 1, строителям поставили задачу уложиться не в девять, а в шесть месяцев. В числе встречных условий, выдвинутых бригадой Ивана Захаренкова, было и такое – направить на стройку Костебелову. Ее прислали. Это ли не лучшее признание высокого мастерства.

Она хранит карту Томска с новостройками, помеченными звездочками. Россыпи созвездий охватывают все районы города. К каждой стройке настолько привыкала, что приезжала в выходной день сфотографировать на память. «Дома, - говорит она, - дороги мне, как дети.

«Вся моя жизнь, - рассуждает Валентина Павловна в очередной тетради, - подчинена железу - «надо!». Работать каждую смену без послаблений, в доме держать чистоту и уют, на родительское собрание в школу, в ГПТУ на встречу с учащимися, почитать книги, бежать на занятия в университет, сходить в лес, поздно лечь, а встать рано. Самые дорогие мои накопления – духовные силы – потребность и радость работы. Я счастлива и сильна тем, что ни перед каким трудом не остановлюсь, что многое мне дано и многое умею. Вчера в ночную смену не вышел сменщик. Поднялась на этаж к ребятам: «Что будем делать?» - «Нам бы сегодня этаж завязать, а завтра пятый начнем. Понимаешь?» - «Раз надо, остаюсь». Заулыбались: «Давай мы тебя покормим. И поспи часок, а лучше два. Мы с тобой за пять часов штук сорок панелей нашлепаем». Рассмеялась: «Нет уж, пойдемте сразу шлепать...»

Одну из своих лекций на курсах молодых крановщиков она озаглавила «Поэзия профессии моей». В названии ее - восприятие труда и ощущение полноты жизни через свою работу. «После прожитого дня ощущение, что все, казалось бы, будничное, обыденное – на самом деле радостное, светлое, счастливое... Вовсю бушует весна, сияет голубое небо. Даже в крюках моих стропов, когда они сталкиваются, хрустально перезванивают веселые солнышки весны. А любоваться некогда: раствор, бетон, кирпич, разгрузка, переброска... Как хорошо быть день на высоте! Душа переполнена, рвется к полету. Счастье - жить и счастье – трудиться, когда увлечен своей работой».

В выходные она идет в лес, как в волшебную страну, как к извечному спасительному началу. Здесь все прекрасно: и зимняя тишина, и весенний шум, и шелестящий по вершинам летний дождик, и шуршащий осенний листопад. Она делает прекрасные снимки, записи в тетрадь. И очередное признание: «Люблю нежнокудрые и ясноликие, как русский человек, березы и гордые, по-воински стройные сосны. Люблю тихий заснеженный лес, люблю лето в лесу с буйным цветением, запахами, голосами птиц... В такие дни общения с природой мысли приходят светлые, необычные, о том, что у природы один бог – солнце, а у человека два – солнце и труд. Думаю, как я жила и работала, была за столь многое в ответе, думаю о счастье пронести через всю жизнь молодость и страстность духа...

...Страстно хочу, чтобы жизнь в построенных нами домах, в каждой семье была счастливой и светлой, чтобы все созданное никогда не было разрушено, растоптано. С детства у меня ненависть к бесчеловечной жестокости и вандализму. Война

запомнилась «черной дырой»: горят дома, мычат коровы, воют собаки, надрывно плачут дети. Люди бегут из села, а мама стоит на пороге, прижав нас к своим коленям... Иногда прихожу туда, где построила с товарищами десятки домов, сажусь на скамеечку, любуюсь уютом, городской атмосферой жизни. Думаю о близких мне людях и чувствую, как неразрывно связана судьба каждого из нас с судьбой Родины».

Владимир ФЕДОРОВ.